

Селена
Найтвуд

Полоса,
которые
мы не выбирали

Селена Найтвуд Голоса, которые мы не выбирали

<https://litres.ru/74233413>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — воровка, умеющая заставлять Голоса богов замолчать.
Он — лорд, двенадцать лет носящий в себе древнее Затмение.
Король связал их Клятвой, чтобы остановить приближающийся катаклизм.

Теперь они вынуждены идти в Пустоши вместе. Чем ближе они друг к другу — тем сильнее боль. Чем сильнее ненависть — тем глубже связь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Селена Найтвуд Голоса, которые мы не выбирали

Пролог

Говорят, боги умерли не сразу.

Они умирали долго — так, как умирает всё по-настоящему большое: медленно, неравномерно, оставляя после себя обломки, которые не знают, что делать с собственным существованием. Никто не помнит, как именно это случилось. Слишком давно. Слишком страшно, чтобы помнить точно. Остались только версии — у Церкви своя, у Ордена своя, у кочевников Пустошей своя, и все три противоречат друг другу в деталях, но сходятся в главном:

Боги исчезли. Их сущность — нет.

Они разлетелась на тысячи осколков. Каждый нёс в себе одну черту умершего бога — эмоцию, желание, принцип или порок, — и каждый осел там, где мог: в камне, в воздухе, в старых вещах, в людях, которые оказались достаточно близко или достаточно открыты. Эти осколки называли Голосами. Потому что они именно этим и были — голосами чего-то огромного, чего больше не существовало, но что всё равно

отказывалось молчать.

Голоса не просто существуют. Они живут.

Полуразумные, голодные до внимания, они поют — каждый на своём языке. Одни низко гудят, как колокол в тумане. Другие свистят пронзительно, как ветер в расщелине. Третьи шепчут почти неслышно, и чтобы их расслышать, нужно очень постараться — или очень захотеть не услышать. Люди, рождённые с даром чувствовать их, слышат этот хор постоянно: фоновый шум, который не замолкает ни днём ни ночью. Одни привыкают. Другие сходят с ума. Третьи учатся использовать.

Именно третьи изменили мир.

Существует три способа жить рядом с Голосами — и три традиции, которые выросли вокруг каждого из них.

Церковь Гармонии учит почитанию и является главенствующей в Элисаре. Голоса для них — голоса предков-богов, которых нельзя тревожить и нельзя использовать как инструмент. Можно только умиротворять: петь им, звонить в певчие колокола, приносить дары. Принять Голос внутрь себя Церковь считает кощунством — осквернением чужой сущности ради личной выгоды. Их последователи носят золотые колокольчики и умеют успокаивать даже дикие Голоса одной мелодией.

Это требует терпения и редкого таланта.

Это почти никогда не помогает, когда Голос действительно голоден.

Орден Разлома стал религией прагматиков и авантюристов. Голоса для них — осколки мертвецов, полезные ровно настолько, насколько их можно контролировать. Орден практикует удержание: Голос вживляется в тело добровольно или через ритуал, врастает в вены и кости, становится частью носителя.

Это даёт силу. Это берёт цену.

Каждый Голос забирает что-то своё: одно — тепло, другое — покой, третье — способность различать боль. Артефакты Ордена — заглушки и якоря — замедляют пожирание, но не останавливают его. Носители Ордена живут эффективно. И коротко.

Шепчущие Пустошей, наиболее далекие и от прагматизма, и от королей, не учат ничему — они передают опыт. Для кочевников и жителей окраин Голоса — сны умерших богов, с которыми можно говорить, если знать язык. Шепчущие не удерживают Голоса внутри: они приглашают их на время, надевают маски и татуировки, которые открывают канал связи, танцуют с ними и отпускают.

Это требует доверия и уязвимости, которые люди цивилизации давно разучились предъявлять. Зато Шепчущие умеют то, чего не умеют ни Церковь, ни Орден: они слышат, что именно Голос хочет сказать.

Иногда это важнее, чем то, что оно может дать.

Все три традиции правы в чём-то одном. Все три опасно ошибаются в чём-то другом.

Но есть вещи, которые знают все — независимо от традиции или уровня цивилизованности.

Голоса одной природы усиливают друг друга. Два носителя Ярости рядом — это в два раза больше силы и в четыре раза больше шансов, что один из них сгорит раньше времени.

Это называют Резонансом, и это красиво и смертельно одновременно.

Противоположные Голоса друг друга подавляют. Носитель тьмы рядом с носителем света — это мучительная боль, постоянное напряжение, две силы, которые не могут существовать рядом без того, чтобы не разрушать друг друга.

Это называют Диссонансом. Это невыносимо.

И именно поэтому Диссонанс лежит в основе древнего и жестокого ритуала, который придумали люди в попытке остановить то, что нельзя остановить.

И наконец — Голос всегда берёт цену. Всегда. Это единственное абсолютное правило, которое не нарушает ни одна традиция, ни одна школа, ни один артефакт.

Можно замедлить. Нельзя отменить.

Это история о двух людях, которые это знали.

И о том, что они всё равно выбрали.

Глава 1

Старик Вейн всегда говорил, что лучшая кража — та, о которой никто не узнает до следующего полнолуния. Лира была с ним согласна. Ей бы хотелось, чтобы сегодняшняя тоже вошла в эту категорию. Впрочем, пока все складывалось.

Под ногами хрустел тонкий слой инея, покрывавший дорожку к семейному склепу Дома Дрейвенов. Воздух был тяжёлым, пахло сырым камнем и ржавым металлом — словно в заброшенной оружейной. Еле слышно гудел Голос Затмения, спрятанный где-то глубоко под землёй. Низко, бархатно, почти приятно.

За несколько лет Лира успела изучить это поместье чуть ли не лучше, чем его нынешний владелец. Оно никогда не спало по-настоящему. Даже сейчас, за полчаса до рассвета, в дальнем крыле горели два окна — жёлтые, неподвижные, как глаза затаившегося хищника. Лира обошла стены ещё час назад и насчитала шестерых стражников. Сейчас их было четверо — двое ушли то ли смениться, то ли погреться. Лира предпочитала не вступать в схватку по возможности. Но если придется — четыре лучше, чем шесть.

Три года назад она тоже считала стражников. Тогда их было восемь, и она всё равно вошла. Ушла с пустыми руками и длинным порезом на бедре — память о том, что Затмение не любит незваных гостей. Шрам до сих пор иногда ныл в

холодную погоду. Вот как сейчас, например.

Привет, — подумала она, потирая бедро через штанину. Я помню.

— Начинаем, — прошептала она, не оборачиваясь.

Дарик, самый надёжный из её маленькой команды, кивнул и достал из поясной сумки заглушку. Тонкий серебряный браслет должен был прикрыть их на время и отвлечь Голос. По крайней мере, так уверял продавец.

Лира опустилась на колени перед массивной плитой. Пальцы в тонких перчатках скользнули по выбитым листьям плюща и полумесяцам. Она закрыла глаза и прислушалась.

Гул усилился. В нем все еще не слышалось враждебности, скорее любопытство. Это было странно, но она отогнала мысль. Не время.

— Ну привет, красавчик, — пробормотала Лира. — Давай сегодня без ругани.

Она сжала в ладони свой резонатор — маленький кристалл, который когда-то стоил ей трёх месяцев жизни взаперти и одного очень неприятного разговора с Орденом Разлома. Кристалл вспыхнул мягким фиолетовым светом, и плита дрогнула. С тихим скрежетом камень сдвинулся в сторону, открывая узкий проход.

Дарик едва слышно выдохнул.

— Каждый раз, когда ты это делаешь, у меня мурашки по коже.

— Это не я, — ответила Лира, спускаясь вниз. — Это оно

меня подпустило. Пока.

Ступени были узкими — на одного человека. Лира спускалась медленно, одной рукой касаясь стены. Камень под пальцами был сухим и тёплым. Морозный воздух остался снаружи, словно не смея последовать за людьми.

Дарик шёл следом, стараясь не задевать стены. Его Голос Разлома молчал — тонкий шрам на предплечье не светился, что было хорошим знаком — часто Голоса реагировали на Разлом раньше, чем на людей. Пока тихо.

Чёрно-серебристые прожилки на стенах стали ярче, когда она спустилась на нижний уровень. Они пульсировали едва заметно — не в такт её сердцу, а в своём ритме, древнем и равнодушном. Лира остановилась у поворота и прислушалась. Затмение не усилилось. Не отступило. Просто наблюдало.

Ощущалось его бездействие ничуть не менее опасным.

Внутри склепа пахло камнем и — внезапно — грозой. Факелы на стенах давно погасли, но воздух слегка светился — словно черно-серебристые прожилки со стен медленно перетекали в него. Затмение. Самый редкий и самый опасный Голос в этом проклятом поместье.

Лира двигалась уверенно. Она уже была здесь однажды — три года назад. Тогда ничего не вышло. Сегодня она собиралась сделать все как надо.

В центре небольшой ниши стоял каменный постамент. На нём лежал Якорь — тот артефакт, за которым она пришла.

Древний браслет из тёмного металла, покрытый рунами. Даже с расстояния Лира чувствовала, как он тянет к себе. Не силой, а... скорее, обещанием силы.

— Вот ты где, — прошептала она.

Она не торопилась. Артефакты не любили спешки — это было первое правило, которому её научил старик Вейн ещё в те годы, когда она только начинала.

Сначала смотри. Потом трогай. И никогда не бери то, что само хочет к тебе прийти — это значит, что оно уже выбрало тебя, а не ты его.

Якорь явно хотел.

Лира покачала головой.

Металл был тёмным, почти чёрным, но в глубине него угадывался странный внутренний блеск — как угля, который подернулся пеплом, но еще не окончательно погас. Руны на нем едва заметно перетекали одна в другую. Браслет был широким, кованым, без замка — он явно надевался на запястье и снимался одним движением. Слишком просто.

Что ты такое? — подумала она. И почти сразу почувствовала слабый отклик в груди. Не её сила. Чужая — тёплая, терпеливая.

Ждущая.

Она протянула руку. Пальцы коснулись холодного металла.

И в этот момент всё пошло наперекосяк.

Воздух вокруг сгустился. Тени на стенах шевельнулись,

хотя не было ни факелов, ни сквозняка. Лира успела только повернуть голову, когда низкий знакомый голос позади произнёс:

— Я ждал тебя, Восс.

Кейлен Дрейвен стоял в проходе, который она только что открыла. Высокий, тёмный, тени вокруг него окутывали его словно плащом. Чёрные прожилки Затмения виднелись на его шее и запястьях — они медленно пульсировали, словно сердце ночи. В темноте склепа не было видно ни глаз — холодных, серо-стальных — ни выражения лица. Такое же, как обычно, скорее всего — высокомерное и презрительное.

Лира медленно выпрямилась, не отпуская Якорь.

— Лорд Дрейвен, — произнесла она подчеркнуто вежливо. — Как мило, что ты пришёл проводить. Я уж думала, ты забыл про меня.

— Забыл про тебя? Хотел бы. — Кейлен сделал шаг вперёд. Тени за его спиной послушно качнулись. — Но ты не даешь мне ни малейшего шанса. То и дело возвращаешься и крадешь мои вещи. Похоже, ты жаждешь моего внимания.

— Твои вещи? — Лира усмехнулась. — Эти артефакты лежат в твоём склепе только потому, что твои предки когда-то зарезали всех, кто думал иначе. Так что давай не будем о собственности.

Дарик тихо выругался за её спиной, но не двинулся с места. *Правильно.*

Кейлен даже не посмотрел в его сторону.

— Положи на место браслет, — сказал он тихо. — И я позволю тебе уйти. На этот раз.

Лира почувствовала, как Якорь в её руке слегка нагрелся. Словно предлагал помощь. Она могла бы активировать его прямо сейчас...

Никогда не бери то, что само хочет к тебе прийти. Поэтому что никогда не знаешь, чем придется заплатить.

— Знаешь, что забавно? — произнесла она, делая шаг назад. — Каждый раз, когда я слышу твой голос, мне непреодолимо хочется ударить тебя чем-нибудь тяжёлым. Это Затмение так на меня влияет или просто твоя харизма?

Кейлен чуть наклонил голову. На его губах появилась едва заметная улыбка.

— Возможно, и то, и другое.

Лира быстро просчитала пространство. Проход за Кейленом — единственный, через который она вошла. Справа — глухая ниша с постаментом, тупик. Слева — узкая щель в стене, почти незаметная в темноте. Она запомнила её с прошлого раза, когда убегала через верхний коридор. Придется сегодня проверить, куда она ведет. Хорошо бы наружу.

Дарик стоял чуть позади и правее. Она почувствовала, как он напрягся — готовится. Они были идеальными напарниками. И до сих пор им везло. Всегда.

Якорь в её руке стал горячее. Не обжигаяще — настойчиво. Словно говорил: *я могу. Только попроси.*

Лира сжала пальцы.

Нет, — ответила она ему мысленно. *Нет. Я не могу заплатить.*

Кейлен смотрел на неё так, будто слышал весь этот разговор.

В следующую секунду тени рванулись вперёд.

Лира бросила кристалл-резонатор на пол. Фиолетовая вспышка ослепила всех на миг. Она схватила Дарика за рукав и потянула к боковому проходу.

— Беги!

Они бежали по узкому коридору, а за спиной слышался гул Затмения — теперь уже не любопытный, а голодный. Тени тянулись к ним, словно живые руки.

Лира обрадовалась было тусклой щели выхода и морозному воздуху, но — зря.

Их уже ждали стражники Дома Затмения. Она успела выхватить кинжал и обезоружить двоих, но третий ударил её рукоятью меча в висок.

Мир качнулся.

Последнее, что она увидела перед тем, как потерять сознание, — это Кейлен Дрейвен, стоящий над ней с Якорем в руке. Чёрные прожилки на его шее пульсировали сильнее обычного. Или это в ее голове...

Якорь в его руке был холодным. Кейлен глядел на него, пытаясь почувствовать малейшие изменения. В движении рун, в блеске металла.

Три года назад, когда она первый раз пыталась украсть его, Затмение среагировало на проникновение немедленно. Он тогда был в дальнем крыле, но даже оттуда все почувствовал. И успел лишь увидеть убегающих воров. Ну а выбитую часть стены восстановили. Такое случается, недаром все его поместье — как латанный кафтан.

Сегодня — не было ничего. Тишина.

Якорь лежал у него в ладони, холодный и спокойный. Словно это не он только что пытался сменить владельца. Кейлен почувствовал это, как чувствовал все артефакты в своем доме.

Кейлен посмотрел на Лиру Восс, лежащую без сознания у его ног. На виске кровь, но дыхание ровное. Живая.

Затмение внутри него не потянулось к ней. Не попыталось убить. Замерло — как будто обнаружило что-то интересное. Или важное.

Он не знал, что именно это означало. Но понимал одно: она пришла снова. К вещи, которая уже однажды её ранила. И Якорь — древний, злой, никому не дававшийся добровольно — грелся в ее руке.

Это до неприятного не было похоже на обычный взлом. Он вздохнул и сжал Якорь. Он с этим разберется.

Лири очнулась в холодной подвальной камере. Руки были скованы браслетами-заглушками — тяжёлыми, с рунами Ордена Разлома. Голова болела. Хорошо, что не тошнило —

это было бы некстати.

Камера была маленькой. Лира медленно оглядела её по периметру. Каменные стены без окон, соломенная подстилка на полу, единственный факел за решёткой — достаточно, чтобы видеть, недостаточно, чтобы согреться. Дверь — массивная, с двойным засовом снаружи. Потолок — низкий, около двух метров. Решётка — кованая, старая, но крепкая.

Она ощупала браслеты. Тяжёлые, литые, руны Ордена выгравированы глубоко — качественно сделаны, дорогие. Лира хмыкнула. Хорошо, когда есть деньги на нужные вещи. В голове было непривычно пусто — никакого фонового гула, никаких далёких шёпотов. Только тишина, которая давила на виски.

Она ненавидела настоящую тишину. В ней было слишком много места для плохих мыслей.

Дарик, — подумала она. Ушёл или поймали?

Ответа не было.

Она прикрыла глаза, глубоко вдохнула холодный застоявшийся воздух. И вздрогнула, словно от укола.

В коридоре за решёткой стоял он.

Кейлен Дрейвен.

— Доброе утро, Восс, — произнёс он спокойно. — У нас с тобой назначена встреча с королём. И, боюсь, на этот раз ты не сможешь просто исчезнуть.

Лира медленно села, чувствуя, как в висках отдаётся низкий, знакомый гул.

Затмение.

Оно уже знало ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.